

А. Ю. Демшина

Власть контекста в ситуации «смерти события»

Статья посвящена комплексному анализу такого феномена современной культуры и искусства, как «смерть события» в результате перенасыщенности информацией; исследуются механизмы информационной культуры, их влияние на зрительское восприятие массового и элитарного искусства. Контекстуализация через штампы, маркеры, симулякры, открытая и прямая в массовых текстах, изощренная и тонкая в текстах, претендующих на элитарность – две стороны одной медали. Автор через анализ текстов современной культуры определяет векторы контекстуализации информации, выделяет три наиболее актуальных на сегодняшний день контекста: биография, викторианский роман и киберпанк. Сегодня молодежная культура как источник нового и актуальный нарратив отошла на второй план. Молодежные субкультуры перестали питать глобальную культуру новой информацией и сами ищут новую платформу для развития. Поэтому понятны тенденции к поискам самоидентификации в рамках биографичности, ретротенденции и эскапизм в рамках викторианства, осознание особенностей современной конфигурации мира, где, кажется, разрушены границы естественного и искусственного, природного и культурного, человеческого и технического в рамках киберпанка.

Ключевые слова: информационная культура, нарратив, контекст, биография, современное искусство, викторианская эстетика, киберпанк

Anna Y. Demshina

The power of context in the situation of «death events»

The article is devoted to the complex analysis of the phenomenon of the modern culture and art as «death events» as a result of overwhelming amount of information, study the mechanisms of information culture, their impact on the viewer's perception of mass and elite art. Contextualization through markers open and direct in mass texts, sophisticated and subtle lyrics claiming elitism are two sides of the same coin. Copyright by analyzing texts of contemporary culture defines vectors contextualizing information identifies three most urgent today context: biography, Victorian romance and cyberpunk. Today youth culture is a source of new and up-narrativ receded. Youth subcultures stop feeding the global culture with new information are also looking for a new platform for development. Therefore understandable tendency to search for identity within the biography, retro end escapism within the Victorian, awareness features modern configuration of the world where it seems to break the boundaries of natural and artificial natural and cultural, human and technical framework in cyberpunk.

Keywords: information culture, narrative context, biography, contemporary art, Victorian aesthetics, cyberpunk

Современное общество во многом основано на информационном обмене, причем объем информации, транслируемой коммуникационными каналами, становится катастрофичным для сознания человека. Неважно, говорим мы об информационном или постинформационном обществе, суть одна – мы с вами каждый день тратим массу энергии, чтобы найти нужную информацию и пропустить мимо ненужную. Мы вынуждены в процессе информационной эволюции вырабатывать механизмы адаптации к этому многообразию. Ответом на информационную экспансию становится «смерть события», наблюдается эффект близкий к «белому шуму», когда, как капля в водопаде, сообщение теряется в массе других, превращаясь в нечитаемый шумовой поток.

Человек постепенно становится «глухим»

и «слепым» к попыткам информационного воздействия. Слепота и глухота, с одной стороны, признак нашего душевного очерствения, а с другой – способ сберечь себя, свою личность от тотальности информационной экспансии. Если раньше человек становился «информационным аутистом» в силу больших географических расстояний и медленной миграции нового, то сегодня аутизм – это поиски одиночества в мире веб-камер и тотальной прозрачности личной жизни. Философ, один из крупнейших психиатров и психотерапевтов XX в. А. Кемпинский вообще предложил для характеристики культуры второй половины XX в. метафорическое определение «шизофренизации», характеризующейся нарастанием аутистической установки. «Разумеется, шизофренизация не равнозначна шизофрени. Этот термин, по мнению автора,

указывает лишь на определенные культурные тенденции, напоминающие некоторые шизофренические симптомы»¹. На современного человека обрушивается большое количество информации, часто в навязчивой форме, справиться с этой нагрузкой на органы слуха, зрения, на мозг ему порой предельно трудно, поэтому резко возрастает число неврозов, психических расстройств.

Естественно, окружающий мир пытается прорваться через стену нашей слепоты и глухоты, активно используя те изменения восприятия информации, которые человечество вырабатывает в ответ на современную культуру. Клиповое сознание, основанное на образно-ассоциативном восприятии, поверхностно и обладает кратковременной памятью, но это один из способов адаптации личности к новой информационной конфигурации окружающего мира. Обратная сторона медали – современная культура часто «довольствуется миром симулякров, следов, означающих и принимает их такими, какие они есть, не пытаясь добраться до означаемых. Все воспринимается как цитата, как условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения»².

Наше внимание можно привлечь лишь на некоторое время. Питер Гринуэй, английский кинорежиссер, сказал: «Восприятие мира посредством камеры, коллажа свойственно современному европейцу»³. Выработка подобного типа восприятия информации связана не только с информационной перенасыщенностью, но и с изменениями практик письма и чтения, переводом их в компьютерный режим. Ее истоки можно найти в специфике киномонтажа, когда между двух кадров рождается третий смысл, не сводящийся к первым двум (о чем писал еще Л. Кулешов). Монтаж, основанный на выстраивании контекста, становится и формой киновыразительности, и способом построения рассказа.

Образно-ассоциативные ряды построены на нелинейном восприятии информации, синтезе вербальных и визуальных практик, а в качестве «алфавита», символического капитала используется все социокультурное наследие человечества. Эти качества ощутимы не только в визуальных художественных и нехудожественных практиках, но и в литературе, музыке. Одной из основ текста становится манипуляция штампами, маркерами, симулякрами. Так, один из важных вопросов в интерпретации и конструировании социокультурных стратегий заключен в стереотипизации и клишировании визуальных ассоциаций, создании и трансляции социокультурных стереотипов. Вопрос о том, как реализовать и внедрить необходимую информацию

в эпоху глобальных возможностей, решается за счет ее тиражирования и распространения в СМИ, что способствует ее популяризации: вместо отбора приходит скольжение между смыслами. Работая по законам «сенсационных обертков», «новостности», «отбора», СМИ отражают не сами смыслы, а их прописку в тот или иной стандарт – «замещение и указание на какие-либо ценности, воспринимаемые в обществе как модные»⁴. Рецептом спасения от разнообразия, инструментом проникновения в наше уставшее сознание становится включение нового в определенные, уже известные контексты. Как писал еще А. Данто, «повествование уже по своему характеру представляет собой некоторую форму объяснения»⁵.

Контекстуализация через штампы, маркеры, симулякры, открытая и прямая в массовых текстах, изощренная и тонкая в текстах, претендующих на элитарность – две стороны одной медали. Набор актуальных контекстов не так уж велик. При всем разнообразии можно говорить об однообразии ведущих для определенного этапа развития культуры нарративов. Лиотар в известной работе «Состояние Постмодерна» (1979) писал о том, что на смену макронарративам приходит множество микронарративов⁶. Но на практике усложнение современной культуры как сложной нелинейной саморазвивающейся системы изнутри, ее распад на микронарративы привел к внешнему упрощению, поиску глобальных «упаковок», в которые встраиваются эти микронарративы. Некоторые нарративы в скрытой форме обретают большой властный капитал, получают широкое распространение, но не открыто, а скользят. В рамках сложных интерпретаций они обретают новые оболочки, проникают во многие сферы культуры и искусства, смыкаются с архетипами, давая ощущение ориентира для уставшей от информационной перенасыщенности публики, превращаются в упаковку и костюм для высказывания в ситуации смерти события.

Приемов включения в актуальные контексты достаточно много: контекстуализация и нарушение контекста остаются одними из популярных. Современные тексты оставляют от контекста лишь след, этот прием, с подачи постмодернизма, стал общим местом, своеобразной новой традицией. В таком случае сам нарратив оборачивается контекстом, полем, дающим ложные или реальные ключи интерпретации сообщения. В данном случае, контекстуализируясь, нарратив мягко просачивается, совершает экспансии в новые области, обрастая алфавитом, не сводящимся к изначальной истории. Это фармакор – и яд, и лекарство.

Если попробовать выделить наиболее актуальные сегодня контексты, то можно остановиться на трех: викторианская эстетика, киберпанк и биография. В конкретных текстах культуры данные контексты часто пересекаются.

Для современности неважно подлинная или ложная история взята за основу, главное – эффект, ощущение биографичности. Биография – художественный жест или эксгибиционизм в интернет-пространстве – обещает чувство подлинности, подглядывания. Это создает странное ощущение подглядывания, которое активно используется как в масс-маркете (реалити-шоу «Дом–2»), так и в актуальном искусстве («Пусси райт», сделавших перформативное шоу из своей жизни). Биографичность, связь с личной историей – модный эффект как для ток-шоу, идущих в прайм-тайм, так для актуальных художественных практик: от «Дневника Бриджит Джонс» до «Дневника Бенджамина Батона», от акций Марины Абрамович до фотографий Сидни Шерман.

Интернет, виртуальная реальность провоцируют подглядывание и эксгибиционизм. Подростки выкладывают в сеть домашнее видео, демонстрирующее многие аспекты их жизни, в социальных сетях рядом стоят детская жестокость и мастер-классы по нанесению макияжа. Подобные ролики часто набирают очки популярности. Этическая, моральная сторона вопроса, к сожалению, часто отходит на второй план. Современные культура и искусство активно занимаются исследованием человеческой личности во всех ее проявлениях, снимая табу с многих тем. Документальность и документализация становятся фетишами.

Сегодня существует отдельный киножанр – мокьюментари (псевдодокументализм). Фильмы в этом жанре внешне соответствуют документальным фильмам, но их предмет (в отличие от настоящего документального кино) является вымышленным, специально «замаскирован» под действительность. Иногда в таком кино создается иллюзия реальности происходящего за счет участия знаменитостей и прочих действительно существующих людей. В XX в. основателем подобного жанра можно назвать О. Уэллса (телепрограмма по роману Герберта Уэллса «Война миров», фильм «Ф как фальшивка»). Данный прием применялся многими известными режиссерами («Падения» П. Гринуэя) и в массовом кинематографе («Ведьма из Блэр: курсовая с того света», Х. Донахью, Д. Леонард и М. Уильямс). К этой форме принято относить фильм «Борат: культурные исследования Америки в пользу славного государства Казахстан» (режиссер Л. Чарльз, при участии Саши Барона Коена). В российском кинематографе к мокью-

ментари относят «Два капитана–2» (1993) режиссера Сергея Дебижева и «Первые на Луне» (2005) Алексея Федорченко. Обращение к выставлению личного в сферу публичного – важный симптом современности, характеризуемой актуализацией, поисками самоидентичности человека в ситуации глобализации культуры.

Викторианский роман стал модным и актуальным типом рассказа, естественно, многие его черты (например, табу на сексуальность и ее выражение) трансформировались и стерлись. Викторианский роман сегодняшнего дня готичен, в нем осталось большое количество персонажей, акцент на правила поведения в хорошем/плохом обществе и их нарушение, поиски истины. Готическая, викторианская эстетика свободно пересекается с постмодернистской парадигмой и киберпанк-традицией. Примеров можно привести множество («Гарри Потер» Д. Роулинг, «Дневники вампира» Лизы Джейн Смит или «Пятьдесят оттенков серого» Эрики Леонард Джеймс). Авторы данных текстов также могут быть соотнесены с образами писательниц и героинь романов XIX в. Джоан Роулинг – учительница, ставшая героем Англии; Эрика Леонард Джеймс начинала как фикрайтер, и ее выход в бумажную литературу симптоматичен сам по себе.

С другой стороны элементы викторианского романа активно использует и У. Эко («Пражское кладбище»). Престижную британскую литературную премию The Man Booker Prize в этом году получила новозеландская писательница Элеонора Каттон с книгой «Светила» («The Luminaries»). «Светила», получивший меткое определение «новозеландский Твин Пикс», рассказывает о приключениях «охотника за удачей» по имени Уолтер Муди во времена «золотой лихорадки» в Новой Зеландии (середина XIX в.).

Обращение к викторианской эстетике в смеси со стимпанком и киберпанком актуально в кинематографе: от «Шерлока Холмса» Гая Ричи, с Дауни Младшим в роли Холмса, до фильмов Терри Гильяма («Воображариум доктора Парнаса») и, естественно, Тима Бертона. На киноэкраны выходят многочисленные экранизации-интерпретации Джейн Остин и сказок братьев Grimm («Белоснежка: Мечь гномов», «Белоснежка и охотник», «Братья Гримм»). Обращение к данному нарративу связано с консервативными тенденциями современной культуры, эскапизмом, сменой культурного образа, отходом от примата молодежной культуры к поискам новой консервативности.

Киберпанк, связанный с абсурдом, искусством модернизма, футуризмом, и собственно киберпанк продолжает оставаться важным. Про-

блемы взаимодействия системы и человека, слияние техники и природы проявляются как в литературе, так и в кино. Современная культура во многом совпадает с теми моделями мира, которые представлены еще в классике киберпанк-литературы и киноискусства. Вплавленность киберпанк-эстетики и идеологии в актуальные практики приобретает различные формы. Некоторые напрямую развивают киберпанк-идеи: фильмы («Время» (2011) и «Гравитация» (2014)), актуальное искусство (Проект Джонатана Харриса (Jonathan Harris) под названием WeFeelFine.org, представленный на Big Data Art–2013 в Мюнхене), литературе («Дозоры» Сергея Лукьяненко). Ряд авторов использует киберпанк как один из элементов нарратива (Д. Браун, М. Ульбек). Некоторые актуализируют проблему пересечения виртуального и реального в современной культуре, совмещая киберпанк-эстетику с биографичностью и документализмом («Социальная сеть» Дэвида Финчера или «Альфа дог» Ника Кассаветиса). Сегодня киберпанк-эстетика встречается с викторианским романом (уже упомянутые фильмы по литературным произведениям XIX в.).

Ролан Барт ввел термин «прикрепление» или «постановка на якорь» визуального образа, приводя в пример подпись к фотографии. Сегодня нам не всегда хватает времени, чтобы прочитать подпись, поэтому все контексты, якоря для интерпретации часто встраиваются в сам текст. Парадигма постмодернизма провозгласила необходимость диалога элитарного и массового, интертекстуальность, но на первый план выходит современность, для которой интересно все: XIX в., киберпанк-системы; личные истории, при

условии, что они поданы как ультра актуальные. Поэтому постмодернистская ирония, приемы абсурда и гламур остаются инструментарием, скрепляющим многие актуальные тексты. Поиск новых нарративов, способных скрепить микроистории, поставить их в одно проблемное поле, – тенденция, характерная для XXI в.

Мы живем в эпоху смены культурных векторов. Молодежная культура как источник нового и актуальный нарратив отошла на второй план. Молодежные субкультуры перестали питать глобальную культуру новой информацией, и сами ищут новую платформу для развития. Поэтому понятны тенденции к поискам самоидентификации в рамках биографичности, ретротенденции и эскапизм в рамках викторианства, осознание особенностей современной конфигурации мира, где, кажется, разрушены границы естественного и искусственного, природного и культурного, человеческого и технического в рамках киберпанка.

Примечания

¹ Кемпинский А. Психология шизофрении / пер. с пол. А. А. Боричева. СПб.: Ювента, 1998. С. 21.

² Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодернизма // Звезда. 1999. № 11. С. 220.

³ Цит. по: URL: <http://kino.open.ua> (дата обращения: 17.06.2014).

⁴ Килошенко М. Психология моды. СПб.: Речь, 2001. С. 44.

⁵ Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 194.

⁶ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.